

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИИ / POLITICAL EDGES OF ECONOMICS AND ECOLOGY

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 9. С. 40–49

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 323:502.3

Тенденции российской экологической политики

Л. М. Корытный

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Проведен исторический анализ трансформации отечественной экологической политики. Рассмотрены особенности системы управления природопользованием, экономические, правовые, информационные аспекты, проблемы современной экологической обстановки. Выявлена неприоритетность этого сегмента российской политики в настоящее время, что приводит к негативным социальным последствиям. Доказана необходимость перехода к «зеленой экономике» как важнейшему направлению социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: управление охраной окружающей среды, экологическая обстановка, социальные потери, деэкологизация государственной политики.

Призывы к совершенствованию экологической политики (ЭП) лежат в основе деятельности авторитетнейших мировых форумов, проходящих на самом высоком уровне раз в десятилетие и посвященных курсу на устойчивое развитие (КУР). На последнем из них – Рио+20 (2012 г.) – с горечью констатировалось, что достичь целей КУР по многим причинам в большинстве стран и в целом на планете не удастся [8, с. 16]. Одна из этих стран – Россия, которая имеет свои особенности ЭП, существенно трансформирующиеся в ходе политико-экономических преобразований.

В советское время, несмотря на то, что в конституции право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду было прописано, приоритетом охрана природы никогда не была, управлялась и финансировалась по остаточному признаку. Многочисленные «проекты века», «покорения природы» экологической составляющей фактически пренебрегали. Экологический облик страны определяли:

- доминирование природоемких и природоразрушающих отраслей;
- сырьевая ориентация экспорта;
- несовершенство природозащитных технологий;
- отсутствие экологической гласности и экологической информации (до середины 1980-х гг.) [2, с. 83].

В результате потерь немало. Поредевшие леса, потерявшие плодородие почвы, затопленные долины и поселения, загрязненные реки и озера, города в смоге, «лунные ландшафты» в местах добычи полезных ископаемых – все это

было и, к сожалению, есть и сегодня; во многом и следующим поколениям придется пожинать плоды бездумного хозяйствования советских времен.

В 1985–1991 гг. – позднесоветский период (перестройку) все изменилось, да и сама страна стало другой. Начиналось многое как раз с экологии, именно этот «клапан» был открыт первым для проявлений социальной активности населения. Все социально активные люди сразу стали экологами; не было политиков разных уровней, которые не включали бы экологические лозунги в свои предвыборные программы. Почти во всех электронных и печатных СМИ появились специальные экологические программы, страницы, обозреватели. Да и в целом общество прямо на глазах «позеленело», проблема охраны окружающей среды воспринималась гражданами одной из важнейших.

На этой волне в 1987 г. стали появляться важные документы, как было принято, – под совместным грифом ЦК КПСС и Совета Министров СССР: о прекращении работ по переброске североевропейских и сибирских рек, по Байкалу. Но самым важным стал выход в январе 1988 г. Постановления «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». Именно эту дату специалисты считают рождением природоохранной системы в России. С этого момента начался новый этап формирования хозяйственного механизма природопользования, основной чертой которого был переход от административно-командных к экономическим методам. В этот период появились и первые самостоятельные природоохранные органы – министерства, как союзное, так и республиканское – в РСФСР. Параллельно создавались природоохранные органы и в краях, областях, работать в которых становилось престижно. Этап завершился принятием Верховным Советом в конце 1991 г. закона «Об охране окружающей природной среды».

В первое постсоветское десятилетие – 1992–1999 гг. – сначала сохранились, в определенной степени просто по инерции, особое внимание к вопросам экологии в обществе и созданное специализированное и вполне дееспособное экологическое ведомство, охватывающее сеть всю страну. Впервые экологическая безопасность стала составляющей национальной безопасности. Резко возросла престижность экологических, ресурсоведческих, природоохранных специальностей; десятками рождались кафедры, факультеты, а то и целые колледжи и вузы по этой тематике. Началось развитие системы подготовки и переподготовки кадров, направленной на повышение уровня экологической культуры природопользователей. Была создана система государственного экологического контроля и независимой экологической экспертизы. Значительно выросло число особо охраняемых природных территорий всех видов.

Настоящий рывок был сделан в правовом аспекте. В 1993 г. впервые в основном законе страны – ее конституции – зафиксированы такие права граждан, как право на информацию о состоянии окружающей среды, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими правонарушениями. Был принят основной массив – около тридцати! – природоохранительных законов, последний из которых, хотя и с огромным трудом, в 1999 г. – единственный закон о конкретном объекте – озере Байкал. Россия ратифицировала большинство международных конвенций по охране окру-

жающей среды. Впервые в Уголовном кодексе России выделена самостоятельная глава «Экологические преступления», предусматривающая ответственность за 17 составов преступлений, а также впервые предусмотрена уголовная ответственность за экоцид, т. е. действия, способные вызвать экологическую катастрофу. Также впервые были созданы специализированные подразделения в составе прокуратуры и МВД, которые внесли весомый вклад в укрепление экологического правопорядка и экологическое оздоровление страны.

Не без труда, но начали работать экономические механизмы природопользования. Впервые был задействован природоохранный принцип стимулирующего характера «загрязнитель платит», т. е. введена плата за негативное воздействие на окружающую среду и возмещение ущерба, а также плата за пользование природными ресурсами. Эти средства аккумулировались и расходовались на природоохранные цели в экологических фондах трех уровней (федеральном, региональном, местном).

Стала привычным делом открытость экологической информации. Впервые и в России, и в ее регионах стали издавать государственный доклад о состоянии окружающей среды, красные книги редких и исчезающих растений и животных. Появились независимые экологические газеты, самая известная (и лучшая) из которых – орган Социально-экологического союза «Зеленый мир», множество журналов.

Основной акцент в природоохранном управлении был сделан на субъекты РФ, где сформировались вполне дееспособные структуры. Например, численность работников Госкомприроды Иркутской области в 1996 г. составляла около 400 человек, ее подразделения располагались, помимо Иркутска, в 6 городах (межрайонные комитеты), а также еще в 14 районах, а 9 специализированных инспекций экоаналитического контроля – в местах нахождения крупных загрязнителей окружающей среды [5, с. 88].

Даже прогрессивная нормативно-правовая база в области управления природопользованием и охраной окружающей среды еще не позволяла достаточно эффективно осуществлять экологическую политику, особенно в таких регионах, где неблагоприятная экологическая ситуация складывалась десятилетиями. Учитывая коллапс социально-экономической системы в эти трудные годы, реальные достижения в защите природной среды были весьма скромны. Но тенденции в этом направлении обнадеживали.

Однако уже в 1996 г. при очередной реорганизации системы управления страной Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, которое совмещало управление природопользованием (в его значительной части) в целом и охраной природы в частности, было преобразовано в Госкомитет по охране окружающей среды (Госкомэкология). При этом был не только понижен статус ведомства, но и разорвана единая цепь «ресурсы – их использование – восстановление – охрана». В 1997 г. региональные комитеты по охране стали подразделениями федерального уровня – началось укрепление «вертикали власти».

В 2000 г. приход новой власти начался с коренной перестройки *системы управления*. Природопользованию повезло здесь меньше всего. Во ис-

полнение Указа Президента РФ от 17.05.2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» и Постановления Правительства РФ от 6.07.2000 г. № 495 «Вопросы Министерства природных ресурсов Российской Федерации» [7] Госкомитет по охране окружающей среды РФ, как и самостоятельный Комитет по лесным ресурсам, были упразднены, а их функции переданы Министерству природных ресурсов РФ (МПР). Поскольку кадровую основу МПР составляли геологи, умеющие разведывать и добывать полезные ископаемые, ясно, что задачи природоохраны приоритетными у них быть не могли.

Но самое главное – структурные преобразования сопровождались беспрецедентным сокращением штатов, в первую очередь в регионах страны. Территориальные органы Госкомэкологии России и Управления лесами были реорганизованы путем присоединения к существовавшим до этого в субъектах Федерации территориальным органам МПР – комитетам природных ресурсов, также в основном геологической направленности. К концу 2000 г. численность государственных экологических инспекторов сократилась по стране на 31 %. Например, по Иркутской области из 131 госслужащих Комитета по экологии трудоустроено 45 человек, остальные 86 высококлассных специалистов-экологов уволены, за бортом осталось и 20 лесников. Кроме того, выполняющие важную роль контрольные инспекции на местах вскоре также прекратили свое существование [5, с. 88].

Чехарда со структурой блока «Природопользование» в стране продолжалась все последующие годы. Были созданы новые органы – департаменты природных ресурсов, располагающиеся в столичных городах федеральных округов. Это абсолютно бюрократические образования, призванные в основном посредничать, обобщать материалы для Центра, что ранее вполне успешно делалось без них. Много неразберихи принесло создание в 2004 г. в результате очередной административной реформы семи ведомств в сфере управления использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, в том числе двух специально уполномоченных органов в области экологической экспертизы и экологического контроля (Ростехнадзор и Росприроднадзор). Их полномочия до сих пор четко не разграничены, да и не могут быть разграничены, так как деление их сферы компетенции на объекты охраны окружающей среды и объекты природопользования – искусственное.

Еще хуже последствия постоянной смены форм и изменения функций в управлении лесными ресурсами. Например, Авиалесоохрану на федеральном уровне ликвидировали, а ее полномочия передали субъектам РФ, которые не имеют ни соответствующих специалистов, ни средств. К чему это привело, все видели летом 2010 г.: лесные пожары, которые тушить некому и нечем, нанесли колоссальный ущерб не только лесному фонду, но и населенным пунктам, вплоть до сотен человеческих жертв.

Большие потери понесло природопользование *в правовом аспекте*. Показательно, что подготовленная в 2002 г. экологическая доктрина не была утверждена ни Президентом России, как военная и морская доктрины, ни Правительством России, а только одобрена им. В 2002 г. был принят новый закон «Об охране окружающей среды» [7], который в сравнении с предыду-

щим законом существенно проиграл: «потерял» в числе основных принципов охраны окружающей среды главный – «приоритет охраны жизни и здоровья человека», стал декларативнее, страдает терминологической путаницей, исчезли многие нормы прямого действия, комплексный подход, лицензирование и лимитирование природопользования, экономические гарантии охраны окружающей среды и возмещения вреда.

В 2004 г. был ратифицирован Киотский протокол, несмотря на мнение большинства членов Академии наук, указавших на его сомнительную научную доказательность и отсутствие экономических выгод для России.

В 2006 г. вступил в силу новый Градостроительный кодекс [7] и были одновременно внесены концептуальные изменения в 36 законов, прежде всего природоохранных. В пояснительной записке к Кодексу было указано, что данный закон направлен на устранение административных барьеров в целях увеличения объемов жилищного строительства, а также на совершенствование механизмов вовлечения в хозяйственный оборот земельных участков для жилищного строительства. На практике вступление в силу этого закона привело к фактической ликвидации государственной экологической экспертизы как основного природоохранного института. Закон исключил из перечня объектов государственной экологической экспертизы документацию, обосновывающую градостроительную деятельность, а именно документы территориального планирования, и практически все объекты строительства. Лишь через несколько лет, благодаря протестам экологической общественности, обязательная экспертиза была частично восстановлена для крупных проектов и предприятий, а также для ООПТ.

В 2006 г. были также приняты новые Водный и Лесной кодексы [7] весьма неудовлетворительного качества. Несмотря на то что в обоих кодексах многократно продекларированы в основных принципах экологический, ресурсосберегающий, лесоохранный и водоохранный подходы, на деле, исходя из смысла и содержания этих нормативных актов, доминирует имущественный подход: новые кодексы приняты в целях расширения землеоборота, т. е., по сути, купли-продажи земель, в частности в сельских лесах, а также вдоль водных объектов. Реальной стала опасность потери управляемости этими двумя богатейшими составляющими нашего национального достояния – водными и лесными ресурсами.

Одним из следствий правового нигилизма стал рост экологической преступности. За 2000–2010 гг. лет количество зарегистрированных преступлений, связанных с негативными антропогенными нарушениями в окружающей природной среде, выросло почти в 5 раз, а число лиц, совершивших соответствующие преступления, – почти втрое [4, с. 68]. Причем особенностью современной экологической преступности является ее связь с незаконным предпринимательством и иными экономическими преступлениями. Преступления, связанные с незаконным завладением природными ресурсами, приобретают все более опасный характер, все чаще выливаются в организованные формы длительной криминальной деятельности. Недаром до 90 % всех преступлений относится к ст. 256 и 260 Уголовного кодекса РФ, т. е. при экс-

плуатации рыбных и лесных богатств страны. Иначе говоря, основная масса преступлений приходится на сферу, где существует возможность получения организаторами огромных и быстрых доходов, в том числе через экспортные операции.

В экономике страны постоянно усиливается целый ряд экологически негативных процессов. Сырьевая ориентация увеличилась; так, доля в ВВП продукции ТЭК (нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газовой и угольной) превысила 20 %, а экономика страны полностью зависит от нефтегазового экспорта [1, с. 26]. И в целом по-прежнему динамика внешнеэкономических связей антиэкологична. Товарная структура внешней торговли имеет «колониальный» характер – вывозится в основном сырье и топливо, а ввозятся машины, продовольствие, потребительские товары массового спроса. На товары сырьевой категории приходится 75 % всего российского экспорта. В то же время наша страна импортирует продукцию «верхних этажей» технологических цепочек, производство которой менее вредно для природной среды. Фактически при вывозе природных ресурсов из страны «экспортируется» и регенерационный потенциал природных сред и ландшафтов – их способность самоочищаться и противостоять хозяйственным воздействиям. Низкий уровень платежей отечественных экспортеров за энергию, землю, минеральное сырье, загрязнение окружающей среды означает присвоение и беспощинный вывоз экологического ресурса страны. При этом отклонены все предложения о введении рентных платежей за природные ресурсы.

За постсоветское время средний возраст производственного оборудования в промышленности возрос с 11 до 25 и продолжает расти [1, с. 86]. Отечественные изрядно изношенные основные фонды, в первую очередь инфраструктура, особенно трубопроводы всех видов, включая водопровод и канализацию, – источник роста числа техногенных аварий, в том числе с серьезными экологическими последствиями. Подъем экономики в последнее десятилетие при нашем стареющем производственном и природоохранном оборудовании чреват возрастанием экологических угроз. Особенно опасны масштабные аварии, подобно происшедшей 17 августа 2009 г. на Саяно-Шушенской ГЭС.

В стране накоплен вредный для человека и природной среды потенциал – твердые, в том числе токсичные отходы, ядерные материалы, атомные подводные лодки и т. п., которые частично вообще не утилизируются и не перерабатываются из-за отсутствия технологий и средств. Уровень утилизации и обезвреживания этих отходов постоянно снижается и уже не превышает 30 % [3, с. 112]. К тому же по подписанным уже международным соглашениям России предстоит уничтожение больших количеств ядерных, химических боеприпасов и средств их доставки, а также обычного вооружения, что связано с созданием новых экологически опасных промышленных комплексов.

Стремительная автомобилизация привела к изменению соотношения выбросов в атмосферу от стационарных источников и автотранспорта во всех крупных городах. Так, в Москве доля транспортных выбросов достигла 90 % [4, с. 84]. В итоге увеличилась токсическая нагрузка на городскую среду и на городское население, особенно в зоне жилой застройки, прилегающей к автомагистралям.

Ряд негативных тенденций наблюдается в лесном комплексе страны. Произошло сокращение лесозаготовок, что в целом благоприятно экологически, но в основных районах лесодобычи темпы снижения заготовок древесины выше, чем в прочих районах страны. Дальние лесосеки забрасываются, лесозаготовки концентрируются вблизи транспортных магистралей. В лесодефицитных районах, где леса сильно нарушены, наблюдается даже рост рубок. К тому же уменьшились темпы лесовосстановления и комплексность лесопереработки, что снижает эффективность лесопользования.

Отрицательные последствия имеют место и в аграрной сфере. Только за 1990–1999 гг. из сельскохозяйственного оборота выведено свыше 29 млн га земель, или 25 % всех посевных площадей [4, с. 91]. Однако выводимые из сельскохозяйственного оборота земли необходимо «устраивать». Они могут и должны выполнять другие социально-экономические и экологические функции – естественных кормовых угодий, рекреационные, охраняемых территорий. Пока же неиспользуемые агроценозы покрываются зарослями сорной растительности и выступают рассадниками вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. Выбытие агроценозов должно сопровождаться повышением эффективности использования и улучшением экологического состояния сохраняющихся агроценозов, чего не наблюдается. Только за 1990–1996 гг. площадь кислых почв увеличилась на 14 %, почв с низким содержанием гумуса – на 5 % [6, с. 195]. Резкое – в несколько раз – снижение применения минеральных и органических удобрений, уменьшая плодородие, предопределяет не только будущие низкие урожаи, но и истощение и деградацию почв, развитие эрозионных процессов.

Определенные негативные экологические следствия имеют и процессы урбанизации – перехода городских жителей на сельский образ жизни. При этом значительным антропогенным воздействиям подвергаются земли в пригородах, которые стали местом интенсивного индивидуального садоводческого и коттеджного строительства, подчас незаконного. Оно локализуется часто в водоохраных и лесопарковых зонах. В результате ухудшаются качество питьевых водоемов и санитарное состояние пригородных территорий, сокращаются возможности массовой рекреации, разрушаются пригородные пояса экологической безопасности.

Как следствие курса на централизацию экономики, были ликвидированы экологические фонды. В итоге произошла потеря целевых средств, расходующихся на охрану окружающей среды, на всех трех уровнях (федеральном, региональном, местном), растворение этих средств в доходной части бюджетов. В стране выделяется на охрану окружающей среды менее 1 % расходов федерального бюджета, что в 6–8 раз меньше, чем в развитых европейских странах.

Не все благополучно и с **экологической информацией**. Хотя конституционно провозглашен принцип свободного доступа к ней для всего населения, фактически значительная часть этой информации продолжает оставаться недоступной: или из-за ее продажи по высоким ценам (в том числе важнейшей гидрометеорологической информации), или из-за ссылок на «коммерческую тайну». В 1990-е гг. резко уменьшилась сеть экологического мониторинга; так, только за 6

лет (1992–1997 гг.) почти на 40 % сократилось количество пунктов наблюдений Гидрометеослужбы, а с 2,2 тыс. до 1,2 тыс. уменьшилось число пунктов наблюдения за лесными пожарами [3, с. 36]. Лишь в последние годы начались восстановление сети и ее инструментальная модернизация.

В результате приходится констатировать, что в начале XXI в. около 15 % территории России находится в неблагоприятном экологическом состоянии, где проживает около 60 млн человек. В стране 9 ареалов с критической и 10 – с кризисной экологической ситуацией [6, с. 260]. В списке городов, в которых систематически превышаются допустимые значения выбросов в атмосферу, более 50 населенных пунктов. Загрязнено большинство крупных и много средних и малых рек страны. Более 40 % населения сталкивается с проблемой качества воды, а доля проб питьевой воды, не отвечающих нормативам, превышает 20 %. В итоге большой ущерб причиняется здоровью населения: для некоторых регионов страны, в частности уральских, этот ущерб превышает 8 % валового регионального продукта.

Причины этого – как в наследии советского прошлого, так и в направленности векторов современной экологической политики. Как показано выше, реальные действия и в управленческой, и в правовой, и в экономической, и в информационной сферах приводят к неутешительному выводу о фактической *деэкологизации* государственной политики страны. О недопустимости этого постоянно говорят ученые и экологическая общественность, вроде понимают это и в высшем руководстве страны. На майском (2010 г.) заседании Госсовета страны [7] были озвучены очередные планы коренных изменений в сфере природоохранного законодательства и практических действий. Но пока немного удалось осуществить. Общеизвестно, что не менее половины экологических поручений руководства страны не выполняется. Закономерно, что в экологическом рейтинге Россия находится в середине второй сотни. Экологические проблемы у большинства населения загнаны в угол общественного сознания. Если в конце 1980-х гг. вопросы экологии были, по социологическим опросам, на втором-третьем месте по важности у населения, то потом было пятое-седьмое, семнадцатое-восемнадцатое и теперь дошло до двадцатых мест.

Выступая 9 июня 2011 г. на заседании Президиума Госсовета, Дмитрий Медведев сказал: «Какие бы законы ни принимались, они не будут эффективны, если будут наталкиваться на наше извечное отношение к окружающей среде... Честно говоря, эта тема практически ни для кого в нашей стране не является приоритетной. Уж точно этими проблемами у нас в стране начинают заниматься тогда, когда все остальные проблемы закрыты. Про экологию вспоминают по абсолютно остаточному принципу. Именно это мышление нам необходимо поменять» [10, с. 1].

Однако перехода от правильных слов к делу, смены тренда экологической политики пока не наблюдается. Об этом наглядно свидетельствуют события последних лет: допустимость туризма в заповедниках, причисление многих неправительственных экологических организаций к «иностранным агентам», распространение недостаточно экологически надежных экологических проектов на арктический шельф и т. п.

2013 г. был объявлен в России Годом охраны окружающей среды. Его итоги были подведены на IV Всероссийском съезде по охране окружающей среды. Отсутствие на съезде руководства страны подтвердило, что оно занято более важными политическими и экономическими проблемами, а от решения природоохранных проблем фактически дистанцировалось. В то же время в решениях съезда подчеркивалось, что стране крайне нужна мощная экологическая политика с приоритетом экологии над экономикой, подкрепленная соответствующими затратами на природоохранные мероприятия. Это лежит в русле мировой тенденции «зеленой экономики» [8, с. 42].

Для реализации экологических целей развития страны необходимо предпринять значительные усилия, связанные с радикальным изменением набравших огромную инерцию экспортно-сырьевых тенденций. По мнению С. Н. Бобылева [2, с. 14], государству необходимо установить в экономике такие «экологические правила игры», которые ставят перед бизнесом задачу осознать и использовать подлинные возможности, предоставляемые переходом к «зеленой» экономике в ряде ключевых секторов, а также отреагировать на реформирование государственной политики и ценовые сигналы путем увеличения объемов финансирования и инвестирования экологизации экономики. Важнейший приоритет эколого-экономической политики России можно сформулировать следующим образом – не надо использовать больше природных ресурсов, так как они ограничены и их дополнительная эксплуатация приводит к дополнительной нагрузке на экосистемы, истощению природного капитала и загрязнению окружающей среды. Надо вкладывать инвестиции в улучшение использования уже эксплуатируемых природных ресурсов и охрану окружающей среды на основе модернизации экономики, поддержки инноваций, замены природоёмких технологий на ресурсосберегающие и энергоэффективные (наилучшие доступные технологии), углубления и диверсификации переработки сырья и т. д.

Экологическая модернизация отечественной экономики на основе международных стандартов жизненно необходима и для обеспечения ее конкурентоспособности на мировой арене. Отсутствие шагов в этом направлении, необоснованные льготы по отходам для ресурсодобывающих предприятий воспринимаются в мировом сообществе как «экологический демпинг» [9, с. 182].

Переход к «зеленой экономике» – единственное магистральное направление социально-экономического развития страны, все остальные ведут к необратимому социально-экологическому кризису.

Список литературы

1. *Акимова Т. А.* Экономика устойчивого развития : учеб. пособие / Т. А. Акимова, Ю. Н. Мосейкин. – М. : Экономика, 2009. – 430 с.
2. *Бобылев С. Н.* «Зеленая» экономика для России: новые подходы и индикаторы // Управление эколого-экономическими системами: взаимодействие власти, бизнеса, науки и общества : материалы 12-й Междунар. конф. Российского общества экологической экономики. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2013. – С. 13–16.

3. Данилов-Данильян В. И. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект / В. И. Данилов-Данильян, М. Ч. Залиханов, К. С. Лосев. – М. : МППА БИМПА, 2007. – 288 с.

4. Клюев Н. Н. Российские межрегиональные контрасты и территориальная справедливость / Н. Н. Клюев // Россия и ее регионы: риски, пути перехода к устойчивому развитию / рук. авт. кол-ва А. А. Тишков, Л. М. Корытный. – М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2012. – С. 51–84.

5. Корытный Л. М. Эхо эколого-экономических скандалов / Л. М. Корытный. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. – 328 с.

6. Корытный Л. М. Основы природопользования : курс лекций / Л. М. Корытный, Е. В. Потапова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 370 с.

7. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: government.ru

8. Сдасюк Г. В. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «Зеленой экономики» и проблемы ее реализации в России / Г. В. Сдасюк, А. А. Тишков // Россия и ее регионы: риски, пути перехода к устойчивому развитию / рук. авт. кол-ва А. А. Тишков, Л. М. Корытный. – М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2012. – С. 12–45.

9. Шварц Е. А. Экологический императив и экологическая политика России как вызовы конкурентоспособности экономики / Е. А. Шварц, Е. Н. Хмелева, А. Ю. Книжников // Россия и ее регионы: риски, пути перехода к устойчивому развитию / рук. авт. кол-ва А. А. Тишков, Л. М. Корытный. – М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2012. – С. 140–169.

10. Экономика должна быть экологичной // Природно-ресурсные ведомости. – 2011. – № 3. – С. 1.

Tendencies of the Russian Environmental Policy

L. M. Korytny

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The author analyzed transformation of the national environmental policy from a historical viewpoint and considered the features of environmental management, economic, legal and informational aspects of the problems of the up-to-date environmental conditions. The author revealed low priority of this segment in the Russian politics at the moment, which causes negative social consequences. The author proved the necessity of transition to a «green economy» as an important element of social and economic development of the country.

Keywords: environmental protection management, environmental situation, social losses, de-ecologization of the state policy.

Корытный Леонид Маркусович

*доктор географических наук,
профессор, заместитель директора
по научной работе*

*Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1
тел.: 8(3952)426460
e-mail: kor@irigs.irk.ru*

Korytnyi Leonid Markusovich

*Doctor of Sciences (Geography),
Professor, Deputy
Director for Research*

*V. B. Sochava Institute of Geography
1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033
tel.: 8(3952)426460
e-mail: kor@irigs.irk.ru*